

IV Международная научная конференция

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

УДК 101
ББК 87
Н76

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Искаков, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Искаков (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан) К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Кыят Эмине Лейла (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узakov (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Новые идеи в философии: материалы IV Междунар. науч. конф (г. Санкт-Н76 Петербург, июль, 2018 г.). — Казань : Молодой ученый, 2018, 2018. — iv, 24 с.

ISBN 978-5-905483-49-3

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Новые идеи в философии». Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов философских специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-905483-49-3

© Оформление. ООО «Издательство Молодой ученый», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЛОГИКА

Карчага Е.С.

Рассуждать логично – значит рассуждать в соответствии с законами логики 1

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ореховская Е.В.

Развитие локальных сообществ в постиндустриальном обществе в свете теории коммунитаризма 5

ЭСТЕТИКА

Кутлунина Е.В.

Проблема понимания современного искусства 14

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Khoshimova D.M., Hasanov E.L.

Problems of the philosophical comparative academic description of «Baburnama» . . 20

ЛОГИКА

Рассуждать логично — значит рассуждать в соответствии с законами логики

Карчага Екатерина Сергеевна, студент
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

Логика — это искусство мыслить и рассуждать в строгом соответствии с ограниченностью и неспособностью человеческого непонимания.

Амброз Бирс

XXI век — время информационных систем и технологий. Возникает вопрос, «Зачем людям тогда мышление и логика, если за него все вопросы решает техника?» Конечно, бытует мнение, что техника заменит человека. Однако, это не так. Любую систему нужно правильно запрограммировать и технику — правильно настроить. С этими задачами справится только человек, применив свои знания и умения в той области науки. Его логика поможет минимизировать расходы ресурсов, а мышление — сконструировать правильный механизм. Однако, философия помогает не только информационно, но и решает психологические, семейные и другие вопросы.

История сообщает, что впервые о логике заговорили еще в античности. Раньше возникли только философия, математика и теория аргументации. Позднее вслед за И. Кантом, попытавшимся создать содержательную («трансцендентальную», как он говорил) логику, дополняющую восходящую еще к Платону и Аристотелю логику, эта старая логика стала называться также формальной логикой. [1]

Логика — это учение о последовательном и упорядоченном мышлении. Формальная, классическая логика делится на учение об элементах мышления

(понятие, суждение, умозаключение) и учение о методах (способах исследования и доказательства). Современная логистика стремится к максимальной формализации и математизации. Она работает с логическими исчислениями, понимаемыми как системы знаков (символов) и правил оперирования с ними. Кроме того, ей известны и многозначные системы, в которых высказывания могут принимать другие значения истинности помимо значений «истина / ложь». [5]

В современности слово «логика» используется достаточно часто и в разных значениях. Нередко говорят о логике характера, логике событий и др. В случаях, когда говорят об определенной последовательности и взаимозависимости событий и поступков, то речь идет о логике событий и характера, к примеру. «Быть может, он безумец, — говорит один из героев рассказа английского писателя Г.К. Честертона, — но в его безумии есть логика. Почти всегда в безумии есть логика. Именно это и сводит человека с ума». [1] Здесь «логика» означает наличие в мыслях определенной общей линии, от которой человек не в силах отойти.

Объектом познания в логике выступает мышление, а предметом логического познания являются формы мысли и их связи, исследуемые в отвлечении от сенсорного конкретно-чувственного и эмпирического содержания знания. [2, с.13]. По мнению автора «мышление» — уникальная способность человека, представляющая собой опосредственное и обобщенное воспроизведение действительности в психике и сознании человека, реализуемое на основе нормального функционирования головного мозга человека». [3, с.14] Другими словами, я могу обобщить, что мышление представляет собой способ переработки информации в абстрактной чувственно-ненаглядной форме.

Логика — это особая наука о мышлении. Человек, доказывая свою правоту, оперирует логическим и нелогическим мышлением.

В рассказе Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» есть эпизод, имеющий прямое отношение к логике. Иван Ильич понимал, что он умирает, и постоянно был в отчаянии. В мучительных поисках какого-нибудь просвета он ухватился даже за старую свою мысль, что правила логики, верные всегда и для всех, к нему самому неприменимы. «Тот пример умозаключения, которому он учился в логике: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай — человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо... И Кай точно смертен, и ему правильно

умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно». Ход мыслей Ивана Ильича продиктован, конечно, охватившим его отчаянием. Только оно способно заставить предположить, что верное всегда и для всех окажется вдруг неприложимым в конкретный момент к определенному человеку. В уме, не охваченном ужасом, такое предположение не может даже возникнуть. Как бы ни были нежелательны следствия наших рассуждений, они должны быть приняты, если приняты исходные посылы. Только в этом случае мы вправе назвать наше мышление «последовательным» или «логичным». [1]

Знаменитый опыт Фуко демонстрирует пример правильного умозаключения. «Если Земля вращается вокруг своей оси, маятники, качающиеся на ее поверхности, постепенно изменяют плоскость своих колебаний; Земля вращается вокруг своей оси; значит, маятники на ее поверхности постепенно изменяют плоскость своих колебаний». Основной задачей логики является прийти к правильному умозаключению (выводу) в конкретных ситуациях. Правильное умозаключение — умозаключение, схема которого представляет собой закон логики, в силу чего из истинных посылок с необходимостью вытекает истинное следствие. [1] Правильные выводы докажут правоту каждого человека, потому что это обоснованное, последовательно и логическое решение.

Рассуждать логично — значит рассуждать в соответствии с законами логики. Логические законы не зависят от воли и сознания человека, потому что они подвластны своей природе. Для мышления человека они влияют как отображение реального мира, практики познания и преобразования человека. Законы логики — воображение самого человека. По этой причине они кажутся очевидными для понимания и рассуждения.

Французский дипломат Талейран заметил однажды, что реалист не может долго оставаться реалистом, если он не идеалист, а идеалист не может долго оставаться идеалистом, если он не реалист. Это наталкивает на мысль о том, что с одной стороны, логика отталкивается от реального мышления, но при этом дает абстрактную модель решения. А с другой стороны, прибегая к абстракциям высокого уровня, логика не должна отрываться от конкретных данных рассуждения.

Однако, в природе есть и противоречия, нарушающие законы логики. Это логические ошибки. Если ошибки были допущены неумышленно, то ее называют паралогизмом. В противном случае, если ошибка преднамеренная — это софизм.

Литература:

1. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Ивин. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство »Мир и Образование», 2008. — 336 с
2. Баранов Г. В. Логика: Учебное пособие. — Омск: Курьер, 2002. — 200с.
3. Баранов Г. В. Логика: Учебное пособие. — 2-е изд. Испр., — Омск: ОГА, 2004ю-199 с.
4. Баранов Г. В. — Логика в культуре мышления — 2016
5. https://studwood.ru/1032514/filosofiya/logika_kak_filosofskaya_distsiplina

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Развитие локальных сообществ в постиндустриальном обществе в свете теории коммунитаризма

Ореховская Евгения Владимировна, аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье показано, что коммунитаризм по ряду признаков является одним из движений, характерных для постиндустриализма. Утверждение идей коммунитаризма помогает укреплению в обществе нравственности, построению «хорошего общества» и в целом способствует развитию локальных сообществ. Такие изменения приведут к уменьшению негативного влияния индивидуализма и являются более перспективным для укрепления общества в постиндустриальном периоде развития.

Ключевые слова: коммунитаризм, индивидуализм, постиндустриальное общество, локальные сообщества, хорошее общество.

Development of local communities in the wake of communitarianism in post-industrial era

The article shows that communitarianism is one of the movements typical for the post-industrial period of development for a number of features. However we have identified the belonging of individualism to the industrial society, more than to the post-industrial one. It has borned and developed for more than two centuries has reached its maximum development in post-industrialism. On the contrary, there are more reasons to believe that communitarianism is belong to post-industrial society because is carrier of promising qualities. Dissemination of ideas of communitarianism helps to strengthen

morality, to creating of «Good Society» and contributes to further development local communities. Communitarianism leads to declaim negative manifestations of individualism that is good prospects to strengthen civil society in the post-industrial age.

Key words: communitarianism, individualism, post-industrial society, local communities, «Good Society».

...Некоторое время назад мы <...> достигли поворотной точки. На этой стадии важно конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака, которые уже настигли нас.

А. Макинтайр [1, с. 355]

Рассматривая локальные сообщества и перспективы их развития в постиндустриальном обществе, нельзя не обойти внимание такое явление, как коммунитаризм. Как и любая другая теория, он имеет право на существование, тем более что в последние десятилетия коммунитарные идеи все больше выходят из теории в плоскость практической реализации. Имеются все основания полагать, что постиндустриализм и коммунитаризм определенным образом связаны и являются взаимозависимыми, в особенности если рассматривать оба социальных явления в аспекте их влияния на развитие локальных сообществ. Анализ исследований позволяет наметить ряд общих генеральных линий, которые могут углубить как понимание постиндустриального общества, так и тенденций развития локальных сообществ.

Анализируя концепции постиндустриального общества, можно заметить, что развитие индивидуализма указываются среди характерных его признаков. Либерализм же, как политическая теория, способствующая развитию индивидуализма, развивается уже более века. И, если либерализм в какой-то степени уже реализовал свои возможности, то коммунитаризм в настоящее время набирает силу: начало его активного развития относят к 1990-м годам. Широкое распространение его к концу первого десятилетия XXI века в США привело к тому, что сторонниками этого движения стали многие видные деятели обще-

ства и государства. С одной стороны, такие проявления, как нуклеаризация семьи, распад сообществ, крайний индивидуализм свидетельствуют о дезинтегративных тенденциях, которые стали достигли максимальной степени именно с приходом постиндустриализма как новой стадии развития общества. С другой стороны, рассматривая развитие этих тенденции во времени, можно отметить, что эти проявления могут быть следствием повсеместной *индустриализации* с характерной для неё концентрацией людских ресурсов в городах, что не способствовало сохранению и созданию локальных сообществ. Эта проблема анализируется в работах Р. Путнама «Боулинг в одиночку» [2], Э. Кляйненберга «Жизнь соло» [3] и других; утрата доверия как тенденция к распаду сообществ описывалась у Ф. Фукуямы в его труде «Доверие» [4]. Так, Э. Кляйненберг приводит следующие цифры: «в 1950 году, когда только начинались сдвиги к постиндустриализму, 22% американцев были одиночками, а в наши дни — около половины, или 50% взрослых американцев» [3, с. 3]. Таким образом, напрашивается вывод, что жизнь в местах с высокой индустриализацией не способствует сохранению сообществ, а напротив, приводит к максимальной их дезинтеграции. Но вместе с тем Кляйненберг и другие исследователи отмечают, что сейчас не только в США, но и в других странах, существует та же проблема, «культ индивида постепенно распространялся на Западе на протяжении XIX и начала XX вв. Однако наибольшее влияние на общество он начал оказывать только во второй половине XX в». [там же, с. 8].

Таким образом, мы видим, что индивидуализм неразрывно связан с индустриализмом как качество, присущее этому периоду развития. Подходящей метафорой здесь можно назвать *разделение*. Подтверждение этой гипотезе мы можем так же увидеть в теории тех волн Тоффлера, где сказано, что «индустриализм расколол общество на тысячи примыкающих друг к другу частей — заводы, церкви, школы, профсоюзы, тюрьмы, больницы и т.п. Он устранил отношения подчинения между церковью, государством и индивидом, расчленил науку на самостоятельные отрасли, разделил трудовой процесс на отдельные операции, разбил семьи на более мелкие ячейки. Совершая подобные действия, индустриализм подорвал общинную жизнь и культуру» [5, с. 118–119]. Здесь отмечено так же, что такая насущная проблема, как «распад городских сообществ, необходимость в творческой работе, которая бы приносила удовлетворение, — не могут больше находить своё решение в рамках индустриального общества» [там же, с. 46–47].

Если развитие индивидуализма наблюдалось ещё в XIX веке, достигнув кульминации к концу века XX, то приход коммунитаризма, напротив, стал явно за-

метен в период становления общества постиндустриального. Его можно выразить как *«антииндивидуализм, как своего рода возвышенно-идеалистическое мироощущение-мировоззрение»*, в котором «жизнь человека в обществе предполагает не только заботу об индивидуальных правах, но и в не меньшей (и даже большей) степени — заботу о благе сообщества (общем благе)» [6, с.78]. Один из основоположников коммунитаризма А. Макинтайр считал коммунитарность необходимостью, компенсирующую чрезмерный индивидуализм.

Коммунитаризм влечет за собой образование не только новых форм существования человеческих сообществ, в том числе устанавливает определенный тип ценностей, которые подчас идут вразрез с общепринятыми нормами морали. Так, *добродетель* является одним из ключевых понятий в социально-философском понимании коммунитаризма. Вместе с тем исследователи отмечают, что такой концепт «реализуется в полной мере не в обезличенном обществе, но лишь в сообществе, и требуют для своего проявления подражания добродетельному. Здесь добродетель выступает как »практическое осуществление стремления к благу«, имеющего понимание гораздо более широкое, чем рациональность» [7, с. 89]. Но какая добродетель имеется ввиду различных сообществ аморальных меньшинств, с трудом поддается пониманию. Исследуя трансформацию добродетели в современном мире А. Макинтайр заметил, что «добродетели сейчас общепринято понимать как предрасположения или чувства, которые ведут к подчинению определенным правилам, согласие по поводу того, каковы должны быть соответствующие правила, всегда должно быть предварительным условием согласия по поводу природы и содержания конкретных добродетелей» [1, с. 330]. Таким образом, в ракурсе рассмотрения тенденций развития локальных сообществ в постиндустриализме важно учитывать и новое понимание концепта добродетели.

В основании философии коммунитаризма можно разглядеть истоки идеалистического мировоззрения, понятого определенным образом. Одной из причин развития коммунитаризма считается рождение мысли, высказанной среди бедных, маргинальных слоёв населения, следующим образом: «пусть мы недостойны свободы и не можем обменять ее на благо, мы хотим свою долю благ, мы хотим блага сегодня» [8, с.97]; «коммунитаризм по отношению к этим слоям являются ответом на требования совести, поиском справедливости, попыткой сделать свободу более сущностной, поставить вопрос не только о свободе, но и благе для этих групп» [там же]. Так выражаются новые требования времени, и указанные тенденции нельзя не учитывать в исследовании социальных процессов, происходящих в постиндустриализме.

Таким образом, время (миллениум), и место (США) развития этого движения совпадает со временем и местом становления постиндустриализма. Развитие коммунитаризма как практического действия создания сообществ можно с уверенностью считать определенным признаком постиндустриального общества.

Постиндустриализм порождает много *разнообразных* тенденций, и одновременное существования индивидуализма и коммунитаризма обусловлено развитием общества. Явным сторонником *разнообразия* является признанный исследователь социальных механизмов в локальных сообществах Дж. Скотт. В его труде «Благими намерениями государства» [9] это понятие проводится красной нитью через весь труд. Характерный пример биологического разнообразия, в котором важную роль играет каждый развивающийся вид, как раз и характеризует современную ситуацию с развитием сообществ.

Коммунитаризм как политическая теория одновременно снимает противоречие между крайним индивидуализмом и коллективизмом, получившим критический опыт в истории. В то же время, коммунитаризм не противоречит индивидуализму, который, как мы показали выше, распространяется все шире и глубже, приводя, с одной стороны, к разъединению. С другой стороны мы видим, как индивиды, достигнув максимальной степени разобщенности, что повсеместно наблюдается в городах развитых стран, таким образом лишь порвали узы, связывающие их с традиционными сообществами: родовыми, местными — тем, что Теннис именовал *гемейншафт*. По всей видимости, индивид, имея прочные связи с тем, что его объединяло помимо его воли: а это дом, село, земля, местность, община — не мог проявить свою индивидуальность, раскрыть свои качества, осуществить дерзновенные проекты своей мечты. Для этого ему нужно освободиться от пут, связывающих его с удерживающим родовым, местным сообществом. И только лишившись всех связей, став полностью независимым, что как раз и происходит в наших конгломератах городов, индивид может начать заново выстраивать своё будущее. В таком ракурсе требуются новые сочетания связей, включения в свою структуру новых единиц, которые могли бы расширить его возможности, дать новые знания и открыть новые горизонты. Новые единицы, которых индивид вводит в свое окружение, обладают качеством более высшим, заполняют нужные ему пустоты в общении, получении знаний, в том числе выстраивая структуру общения, нужную ему для реализации своих лидерских качеств, и обеспечивают таким образом коммуникацию и реализацию своих способностей.

Кроме этого, человек всегда нуждается в поддержке, теплых дружеских отношениях, солидарности, признании своих заслуг, что невозможно без про-

явления честности со стороны других и морального поведения самого человека, что как раз и характеризуется как коммунитарный идеал. Наравне с этим для коммунитаризма характерны такие определения, как всеобщая солидарность, чувство ответственности, наличие определенного нормативного языка, которые поддерживают моральное единство между членами сообщества. В век всеобщего индивидуализма и всеобщей изоляции людей друг от друга проявление и развитие таких качеств среди членов и не-членов сообществ представляется крайне своевременным. В конечном итоге эти качества должны привести к практическому воплощению идеалов коммунитаризма среди всего общества, а так же построения всеобщего братства: «суть коммунитаризма — обсуждение и разработка различных аспектов братства как состояния общества и общественного идеала. Цель — перевести процветание общин в центр политического дискурса посредством перенесения в публичную сферу ценностей общины» [10].

Место проявления этих качеств не будет иметь никакого значения. Это может быть как интернет, так и любое сообщество на местах. Основано оно будет на общих взглядах, реализации определенной идеи. Таким образом, реализуется на практике создание нового порядка, более совершенного.

Один из идеологов коммунитаризма А. Этциони, выдвигал не только коммунитаристские взгляды, но учитывая паритет социального порядка и автономии личности, пытался вывести проект «хорошего общества», в котором нормативной основой общества считается мораль [11, с. 44]. В его видении «социальными единицами целостного »хорошего общества« являются не индивиды, а сообщества, которые характеризуются развитыми социальными связями и общностью моральной культуры [Etzioni 2002]. Для достижения упомянутого выше баланса связи в сообществе не должны ограничивать индивида в его творчестве, препятствовать его развитию, и в то же время сложные связи внутри сообщества должны быть сформированы, чтобы предотвратить трансформацию целостного сообщества в совокупность разрозненных самодостаточных индивидов. »Хорошие« социальные связи являются скелетом сообщества и в то же время не разрушают самоидентичность его членов» [там же, с. 45].

Легкость, с которой современный человек выстраивает вокруг себя новое сообщество, и даже сообщества, восполняя недостаток «хороших» связей, можно считать определенным признаком постиндустриализма. Это очевидно на примере действия социальных сетей. Сетевая структура общества, в свою очередь, хорошо описана М. Кастельсом [12], как явный признак развития общества, становящегося информационным, что в интерпретациях других иссле-

дователей являются также признаком общества постиндустриального. Речь идет о всевозможных микросоциальных образованиях, которые образуются и существуют «как добровольные сообщества — анклавные альтернативных ценностей, а равно и альтернативных экономических и общественных отношений и образа жизни» [13, с. 3–4].

Важное значение имеют функции, которые практически реализуют эти сообщества: общины и коммуны. Н. Новинская приводит такие функции, как *компенсаторно-охранительная*, которая «бывает особенно ощутима в периоды ускоренной модернизации» [там же]; и а так же *инновационная функция*, которая более определенно подходит под постиндустриальный этап развития общества: «когда подобные микросоциальные образования оказываются своего рода социальными лабораториями, в которых вырабатываются и испытываются новые, более адекватные изменяющейся реальности ценности, могущие впоследствии быть интегрированы в систему господствующих ценностей, что приводит к обновлению последней» [там же].

Выявление указанных функций говорят о большей стабильности в существовании сообществ, а также о развитии неких новых возможностей у общества, становящегося постиндустриальным.

И последний тезис, который нам хотелось бы привести, акцентирует внимание на особенностях распространения сообществ, поддерживающих коммунитарные взгляды. При анализе различных формы коммунитарных сообществ замечено, что «мы наблюдаем рождение нового варианта организации совместного человеческого общежития — на базе формирования и реализации гражданского самоопределения личности». [14, с. 213] В то же время в России распространение коммунитарного движения отличается от мирового опыта и здесь «преобладают коммунитарные сообщества эконосферного характера. Основным направлением их деятельности является гармоничное сосуществование с окружающей средой и стремление внедрять формы экологического производства в жизнь общины, в отличие от западных общин, где экологическая направленность деятельности социума не является ведущей» [там же, Черв.Микл. с. 212].

Таким образом, наблюдается ещё одна направленность коммунитарного движения, характерная для постиндустриализма: забота об экологии, бережное отношения к природе, которую реализуют на практике воссоздаваемые ныне сообщества.

Выводы. В статье определено, что в постиндустриализме актуализируется коммунитарная идея. Коммунитаризм занимает срединную позицию между индивидуализмом и крайним коллективизмом, опыт которого был реализован

в XX веке. В то же время выявлено, что индивидуализм и теория либерализма скорее являются следствием развития индустриализма, его крайней фазой, чем признаком общества постиндустриального. Вместе с тем дальнейшее развитие коммуниранных тенденций в постиндустриализме ведет к тому, что именно в сообществе человек сможет выразить свою индивидуальность наилучшим образом.

В результате, после всеобщей дезинтеграции, общество вновь находит пути к консолидации, выстраиванию новых связей, построению новых форм локальных сообществ. Коммунирные сообщества успешно встраиваются в постиндустриальное общество. Ожидаемо, что коммуниранизм является хорошей перспективой к образованию и развитию локальных сообществ в постиндустриальном обществе.

Литература:

1. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Пер. с англ. В.В. Целищева, Москва, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 384 с.
2. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. Simon & Schuster, 2000. — 541 p.
3. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: 2014. — 284 с.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. — 732 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма »Издательство АСТ», 1999. — 784 с.
6. Каранаш Г.Ю. Справедливость и идея общества // Гуманитарные науки: теория и методология? Знание. Понимание. Умение. 2010, № 4. С. 77–86 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spravedlivost-i-ideya-soobschestva> (дата обращения: 07.06.2018).
7. Давыдов О.Б. Философский коммуниранизм как актуальная парадигма социального бытия // СИСП. 2015. № 10 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-kommunitarizm-kak-aktualnaya-paradigma-sotsialnogo-bytiya> (дата обращения: 07.06.2018).
8. Федотова В.Г. Меняющийся мир и глобализация (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/menyayushchisya-mir-i-globalizatsiya-okonchanie> (дата обращения: 21.04.2018).

9. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. — 568 с.
10. Communitarianism. A New Public Ethic / ed. by M. Daly. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1999. P. XIII.
11. Коваль Е.А. Модель современного российского «хорошего общества»: проблемы конструирования // Философия и общество. 2017. N2. С. 40–51.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
13. Новинская М.И. Поиск новой социальности и утопическая традиция (Проблема человеческого общежития в актуальном срезе) Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 59–78
14. Червонный В. П., Милошунас А.В. Идеология коммунитаризма: путь к новой социальности // Известия УрГЭУ. 2006. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-kommunitarizma-put-k-novoy-sotsialnosti> (дата обращения: 21.04.2018).

ЭСТЕТИКА

Проблема понимания современного искусства

Кутлунина Елизавета Владимировна, студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Современное искусство занимает очень неоднозначное место. К нему испытывают неослабевающий интерес и исследователи, и зрители. Оно является серьезным предметом для споров в профанной среде и среди специалистов. Привлекая своей необычной и нескучной формой, оно зачастую отталкивает содержанием. Будучи непохожим на все предыдущие направления, оно кажется непонятным.

Основываясь на герменевтической теории Г. Гадамера можно сказать, что процесс понимания обеспечивается событием языка, даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах. Но особое значение имеет признание онемения, то есть невозможности выражения, в качестве языкового явления. За ним признается даже большее значение, чем за высказыванием. Гадамер отмечает, что современное искусство онемело, и этим привело зрителей в недоумение. Классическая живопись была красноречива, громка, и многословна. Процесс онемения происходил постепенно, и начался с пейзажей и натюрмортов, из которых было извлечено присутствие человека. Они не создают иной мир, а выражают чувственный мир, окружающий человека. Свобода построения натюрморта начинается с содержания, так как изображаемые предметы целиком зависят от природы человека, что предвидит свободу композиции современности. Облик вещей становится значим сам по себе, но он же акцентирует внимание на эфемерности. Чем дальше происходит развитие живописи, тем больше теряется целостность изображаемого. И сюжетное содержание, и единство предметов утратило свою силу. Все основания миметического изображения исчезли. Рама больше не ограничивает картину, так как творчество разрушает её изнутри. Но более того, современная картина не выражает переживания или теоретические построения художника. «Совре-

менный художник не столько творец, сколько открыватель невиданного, более того, он — изобретатель еще никогда не существовавшего, которое через него проникает в действительность бытия,» — пишет Гадамер.

Но что же есть это невыразимое? В XX в. философия была нацелена на поиск чего-то скрытого, но в действительности управляющего всеми мировыми движениями. Первыми были З. Фрейд, открывший в человеке бессознательное, и Карл Маркс, нашедший скрытую сущность экономических процессов в капитализме. Важным в этих открытиях, как отмечает С. Жижек, было открытие какого-то принципиально иного типа мысли, порядка, который для своей устойчивости должен быть неизвестен. Устойчивость бытия обеспечивается сокрытостью каких-то его аспектов. Философия, в различных своих областях, обнаруживает, что единство и тождественность были иллюзией. Конфликт, в скрытой или явной форме, и антагонизм являются первичными. Это противоречие пролегает в областях экономического, социального, политического. И художники обращают на него всё больше внимания, посредством творчества вскрывая неявное.

Однако ещё более важным становится конфликт, пролегающий в самом человеке. Открывает его психоанализ Лакана, говорящий о пропасти между реальностью (то есть действительным миром) и Реальным (которое не символизируется). Собственный образ, существующий в воображаемом порядке, никогда не может быть целостно символизирован в мире, то есть реализован. Это вызывает ощущение травмы, раскола, пропасти, которую ничем невозможно закрыть. Современное искусство, зачастую не отсылающее ни к каким образам, выдает эту трагическую неспособность человека к полноценному выражению себя, но в то же время невозможность смириться с этим отсутствием единства.

Творчество неподвластно не только обществу, но и самому художнику. На него постоянно нацелен взгляд Другого, который стремится не столько вызнать тайны, сколько признать их отличие, свести всё к тому, что заметно взглядом. Но с появлением интернета ситуация изменяется, так как теперь художник предстает не как некий сконструированный субъект, персонаж, а как реальный человек с определенными интересами, желаниями и потребностями. Благодаря этому произведения также обретают двойную природу: к изначально-художественной присоединяется профанная, вызванная наличием создателя. Именно появление интернета, как пишет Гройс, лишает художника статуса экстраординарной личности. Сегодня нет никого, кто не был бы вовлечен в художественную деятельность через виртуальное пространство. Поэтому главным критерием особенности сейчас оказывается не отличие от других, а от способности

отказаться от идентификации, а значит от самих себя. Характеристики указывают не на внутреннее содержание, а лишь на определение другими. И это вопрос уже не истины, а власти: кто имеет право на мою личность, я или социальные институты? «Политика современного искусства — это политика неидентичности,» — пишет Гройс. Художник говорит зрителю, что он не тот образ, который можно сконструировать при взгляде на работы. И именно благодаря интернету художник может выйти за рамки предписанного контекста.

Все драматические моменты в природе человека во многом усугубляются именно в XX в. С растущим влиянием атеизма люди обнаруживают себя одинокими, но в то же время окруженными другими людьми. Великий Другой, то есть абсолют, бесконечность или Бог, который был основой духовности в предыдущую эпоху, исчезает. Но ему на смену приходит Другой в постмодернистском понимании. Именно другие люди являются ограничителями свободы, препятствием к выполнению собственных желаний. Одну из ситуаций, возникающих как следствие, описывает Ж. Батай в своей книге «Литература и зло». И, несмотря на свою отсылку прежде всего к литературе, применить эту концепцию можно к любой области искусства. Для него отличие человека от животных является в способности нарушать запреты. Вызов существующим нормам и нравам понимается как возможность для произведения состояться. Творец заранее виновен, так как он противоречит законам общества. В чем же это противостояние? Литература принадлежит к области Зла, но не в том смысле отсутствия морали, а в провозглашении сверхнравственности. Такое Зло не думает о выгоде, она нацелено исключительно на настоящее и на получение наслаждение. Добро же ориентировано на выгоду, на благополучие, на будущее. Именно акт творчества позволяет получить наслаждение, но ценой разрыва с реальностью. Общепринятой морали бросается вызов, так как её условные установки всегда ниже, чем личная сверхнравственность. Ценность порыва противостоит разуму. Безусловно, современное искусство в лучших своих проявлениях является именно таким Злом. Художник всегда принадлежит миру детства и видит фальшь в жизни общества, которая разворачивается вокруг него.

Искусство является одной из множества коммуникативных систем, присущих человеку, что роднит его с естественным языком. Самым главным в понимании языка является избегать понимания его как кода, который в точности передает информацию. В действительности язык представляет собой сложную форму взаимодействия, которая предполагает связь между смыслом говорящего (созданного произведения) и системой понимания принимающего. Говоря

о важности языка в процессе понимания и взаимодействия, важным является избежать ловушки, в создании которой виновен прежде всего постструктурализм. Она заключается в том, что на смену метафизического представления о наличии трансцендентального основания, пришло толкование человеческого бытия как построенного на языке, тексте, коммуникативных практиках. Ситуация, в которой находится современное искусство, во многом демонстрирует механизм действия данной ловушки. Искусство, как было сказано выше, замолкло. Однако произведения по-прежнему должны быть представлены зрителям. И результатом этого стала тесная зависимость произведения искусства и текстового обрамления в современной практике. В частности, Б. Гройс пишет о том, что искусство стало комментарием к искусству. Текст становится своеобразной одеждой, которая преподносит искусство зрителю. Это обрамление невысказанного в слова должно снять напряжение, сделать восприятие более приятным и понятным для зрителя. Поэтому в современной системе экспонирования искусства критик становится одним из самых важных элементов. Однако его функция является принципиально иной, чем это было во времена существования классических форм искусства. Тогда критик выступал на стороне публики, говоря о ценности или её отсутствии у определенного произведения. Теперь же он на стороне художественной среды. Однако это приводит к ещё большей конфронтации между критиком и художником. Художник считает, что текст отпугивает зрителя от произведения, скрывает и размывает его истинное содержание. Поэтому, зачастую, художник сам становится критиком, пытаясь посредством текста заполнить пустоту между произведением и зрителем. Но в отсутствии единых эстетических критериев публика не доверяет критикам, чья точка зрения субъективна. Но не доверяет и собственному вкусу, так не имеет однозначных основ для его формирования.

Как и сама социальность, искусство сейчас является дискурсивным. Производство в нем зависит не от каких-то структур (таких как художественные институты), а прежде всего от непосредственных отношений в обществе. В нем отсутствует центр, который был связан с господствующим направлением, школой или доминирующим регионом. В отсутствии четких критериев нет рамок, которые бы позволили сказать, относится произведение к искусству или какой-либо другой сфере. Оно существует именно в своей открытости и изменчивости.

Очень важной для понимания всех сфер человеческой жизни в реалиях глобализации становятся теории мультикультурализма. В своих работах С. Бенхабиб подвергает сомнению господствовавшие в философских кругах универ-

салистские или, напротив, релятивистские взгляды на культуру. Она выдвигает идею сложного взаимопроникновения культур, как между собой, так и внутри каждой культурной области или индивида. Переносятся её размышления и на современное искусство. Подобно тому, как в рассуждениях о человеке не стоит использовать неких универсалистских высказываний об общей природе или возможностях одинаковых когнитивных исследований, точно также и с искусством. Больше нельзя сказать, что все художники пытаются привести некий единый смысл, так как поле их идей очень велико и не исчерпывается единой культурной или эстетической традицией. Как и культуры, в глобальном мире подверженные постоянному взаимодействию, виды и жанры искусства больше не существуют сами по себе. Чистые жанры исчезают, как и чистые языки и нации, являющиеся сейчас скорее воображаемой конструкцией. Это разнообразие отражает изменившийся взгляд на различие, которое больше не считается чем-то маргинальным, нуждающимся в четком определении или изоляции. И, наконец, в отношении современного искусства, как и в отношении феноменов, принадлежащих другим культурам, главным является взаимодействие. Люди в своем восприятии очень многогранны, как правило, их результат взаимодействия с чем-то другим не относится ни к крайности полного принятия, ни к крайности стремления к уничтожению, присущего в основном тоталитарным культурам. В основе многомерного диалога лежит прежде всего способность человека к изменению. Поэтому началом понимания произведений современного искусства, как и любых неизвестных феноменов, принадлежащих другим культурам, является прежде всего отказ от категоричных суждений, ставящих себя в оппозицию к другому. Так как в силу отсутствия целостности культурного поля и идентичности человека, в любом, кажущемся иным можно найти соответствие знакомому. Принципиальная непереводаемость, в рамках такого понимания, считается иллюзией, так как сам факт суждений о другой культуре или новых веяниях искусства уже указывает на их идентификацию и принятие.

Безусловно, современное искусство сложнее для понимания, чем традиционное. Так как оно требует не услышать рассказ, а принять напряженное молчание. Именно в этом онемении и скрывается красота и ужас положения современного человека, оставшегося без духовных оснований, без абсолюта, без предзаданных установок. Но стремящегося утвердить свое единичное положение не только среди Других, разрыв с которыми ничем не закрыть, но и принять разрыв между проявлениями и внутренней сутью самого себя. Главной обязанностью зрителя становится сама готовность к контакту. Творение Другого никогда не сможет быть полностью осмысленно. Но отвергать его не

стоит, так как человека отличает именно способность к пониманию, к изменению самого себя в ходе взаимодействия. Необходимо учиться интерпретировать, а не ограничиваться конструированием выводов о личности автора. Что, безусловно, трудно, но способно открыть новые границы понимания.

Литература:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Батай Ж. Литература и Зло — М.: МГУ, 1994. — 168 с.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру — М.: Логос, 2004. — 350 с.
4. Бычков В. В. Триалог: Живая эстетика и современная философия искусства. М.: Прогресс-традиция, 2012. — 840 с., ил. (в соавторстве с Н. Б. Маньковской и В. В. Ивановым)
5. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного — М.: Искусство, 1991. — 368 с.
6. Гройс Б. Искусство утопии. Gesamtkunstwerk Сталин. Статьи — М.: Художественный журнал; Фонд «Прагматика культуры, 2003. — 321 с.
7. Делез Ж. Логика смысла (Первая половина) — М.: Раритет, 1998. — 480 с.
8. Брайант Л. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта / Логос. 2014. № 4 (100). С. 275–292
9. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / электронный ресурс [<http://forlit.philol.msu.ru/lib-gu/benjamin1-gu>] дата обращения: 20.05.18

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Problems of the philosophical comparative academic description of «Baburnama»

Khoshimova Dildora Madaminovna,
Namangan Institute of Engineering and technology (Uzbekistan)

Hasanov Elnur Latif, Ph D., senior specialist
Ganja Department of Azerbaijan National Academy of Sciences (Azerbaijan)

The article deals with the problem of translation of comparative descriptions concerning the historical and geographical regions and local areas in «Baburnama» by Z. M. Babur. The translations of «Baburnama» show the skill of such translators as Leyden-Erskin, A Beveridge and W Tekstons, on whose examples we review the chosen problem.

With this view, we start our research with the determination of the approaches of translators to their work, i.e. if they try to keep the style of Babur or change it, translating the information concerning the geographical territories using the comparative descriptions. Secondly, we focus on the comparative style that was used in «Baburnama» commonly, concerning the climate of various territories, relief, population and other peculiarities. This style is valuable for the modern geography. For clearly learning of this theme, the comparative style distinguishes in the texts of different languages.

Keywords: history, philosophy, Baburnama, comparative research.

Among other things, the features of similar and different methods were showed on the examples represented in the translations of the above-mentioned translators. During our scientific work, we compared the translators' works and analyzed them with respect to the way of how they used the comparative descriptions that were explained by Babur to English readers. We also provided the information

related to the ways of translation and problems of comparative descriptions in geographical and local areas in «Baburnama» by ZM Babur.

The autobiography of Babur received the widespread acclaim from many modern scholars. Quoting Henry Beveridge, Stanley Lanepool writes: «His autobiography is one of those priceless records which are for all the time, and is worth to rank with the writings of St. Augustine and Rousseau, as well as the memoirs of Gibbon and Newton. In Asia it stands almost alone».

Writing about the time when Babur came to India, the historian Bamber Gascoigne comments: «That time he linked in narrative form the jottings which he had made throughout his life as a rough diary, but he also got around to write a magnificent and very detailed forty page paper about his new acquisition — Hindustan».

He explained in his diaries the social structure and the caste system, the geographical outlines and the recent history; he marveled at such details as the Indian method of counting and time keeping, the inadequacy of the lighting arrangements, the profusion of Indian craftsmen, or their lack of good manners, decent trousers and cool streams. However, the main emphasis he laid on the flora and fauna of the country, which he noted as a born naturalist and described as a painter.

He marked and described, for example, five types of parrots, explained how the bananas are bred, and with astonishing scientific observation, he announced that rhinoceros resembled the horse more than any other animal. Nowadays it is commonly known that the order of Perisodactyla has only two surviving sub-orders, the first of whom includes the rhinoceros, and the second one includes the horse. In the other parts of the book, he also described as he went into raptures over different things such as the changing colors of a flock of geese on the horizon, or of some beautiful leaves on an apple tree.

His progression with all its ups and downs from tiny Ferghana to Hindustan would in itself not ensure him a major place in the league of his great ancestors, such as Timur and Genghis Khan. However, the sensitivity and integrity with which he wrote his personal odyssey, from buccaneer of royal blood reveling in each adventure to emperor eyeing in fascinated amazement every detail of his prize, gave him an added distinction that very few men of action achieved.

We can read more about the comparative style of geographical place and local territories in «Baburnama». For our dissertation, it is more important, how English translators translated those descriptions into English. The translation of some passages is more correspond to the description of the events of the original variant

presented in «Baburnama», and other passages are contrarily. For example, let us pay our attention to the translation of the passage translated by Leyden and Erskine: «In these countries, Ghazni and Khwarizm, are celebrated for their cold, in the same manner as Sultaniah and Tabriz are known in Iraq and Azerbaijan».

Translators tried to translate the comparisons according to the author's style. They could give the main idea of the text in his translation. Reading this information, the English readers get to know, which city is cold in the country and which is its climate at all. So, the passage give the data concerning not only the climate of a city in Uzbekistan, but also the data concerning the climate of cities of the other countries too; and this make the book more important and valuable source of materials concerning the climate. The translator in his translation explained the information according to the author's style.

The next passage was translated by W Tackston, who also kept the author's style in his translation: «In these parts Ghazni and Khwarazm are as well known for being as cold as Sultaniyya and Tabriz are in the two Iraq and Azerbaijan». We can see that the translator tried to explain two sentences in one word: the translation was explained through one word, which is not repeated one more time within the translation process. He used the words of comparison «as» and «such as» that clearly presented the idea of author. The translation was described clearly from the grammatical and lexical side. The translator used properly the words and kept the order of word within the sentence. Here is the original passage as it is in «Baburnama» which clearly shows the goal within the process of analyzing of translation:

«Bu viloyatlarda Gazni va Xorazm sovuqluq bila mashhurdur, nechukkim, Iroqayn va Ozarbayjonda Sultoniya bila Tabriz sovuqluq bila shuhrati bor».

Surely, the coldest territory of Uzbekistan in winter is Khwarezm. Gazni is situated on a plain where the cold winds blow widely, and Soltaniyeh is located in the eastern part of Iran, at the bottom of a mountain, at a height of 1800 meter above sea level, where the winter is also cold and summer is very hot.

Therefore, the above-mentioned passage shows that the comparative description of geography of these countries was learnt and written by the author in detail. The authors should have full information about these cities in order to compare them. That time Babur had such information; that is why he could compare the climate of cities and countries with each other.

In conclusion, the translators tried to translate the comparative descriptions according to the author's style. They could keep the main idea of the text and gave an interesting information in their translations.

References:

1. Berensten W. The Mughal Empire. Moscow: Publishing house AST: Astrel; 2005. p. 23
2. Hasanov EL. About Comparative Research of Poems «Treasury of Mysteries» and «Iskandernama» on the Basis of Manuscript Sources as the Multiculturalism Samples. International Journal of Environmental and Science Education, 2016;11(16):9136–9143
3. Savory R. Iran under the Safavids. Cambridge University Press. 2007
4. Dale SF. The garden of the eight paradises: Babur and the culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483–1530). Leiden, Boston: Koninklijke Brill NV; 2004. p. 23
5. The Baburnama: Journal of Emperor Babur, Zahir Uddin Muhammad Babur. Translated from Chagatai Turkic by Annette Susannah Beveridge. Abridged, edited and introduced by Dilip Hiro. ISBN0–14–400149–7
6. The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor, Zahir-uddin Mohammad Babur. Translated, edited and annotated by Wheeler M Thackston. New York: Modern Library Palang-faack Edition. 2002

Научное издание

НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

IV Международная научная конференция
г. Санкт-Петербург, июль 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.07.2018. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 1,44. Уч.-изд. л. 1,02. Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый», г. Казань

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25